ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ДЕБЮТ

Е. А. Бауэр

ТЕОРИЯ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» В ТРАКТОВКЕ И. А. КИРИЛЛОВА

В статье рассмотрены взгляды отечественного историка И. А. Кириллова на место теории Филофея «Москва — третий Рим» в общественно-политической практике московского самодержавия XVI в. и отражение этой теории в памятниках русской письменности.

Знаменитая теория «Москва — третий Рим», авторство которой приписывают старцу Елеазарова монастыря Филофею, на стадии зарождения (конец XV в.) имела религиозное содержание. Тем не менее в «Изложении пасхалии» митрополита Зосимы Москва впервые названа «новым Иерусалимом». Так была сформулирована доктрина «Москва — третий Рим».

По наблюдению современного московского исследователя И. А. Тихонюка, спустя некоторое время троицкий игумен Симон Чиж уподобил Москву уже Риму[1]. Противопоставление Москвы — «нового града Константина» — Царьграду имело целью определить место Руси среди других стран, исповедовавших православие, что не выходило, на взгляд А. Л. Гольдберга, за рамки представлений, вкладываемых в идею «богоизбранности» России в предшествующее десятилетие[2].

В 1520-х гг. псковский старец Филофей, подчеркивая преемственность московского самодержавия от Царьграда, величие и славу России образно сравнил с могуществом Рима и особенно Византии.

В публицистике конца XVI — начала XVII в. отзвуки теории «Москва — третий Рим» можно расслышать в таких сочинениях, как «Повесть о житии царя Федора Ивановича» патриарха Иова, «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства» неизвестного автора, «Временник» Ивана Тимофеева, «История» Авраамия Палицына.

Длительное время проблемы общественно-политической мысли Московского государства почти не вызывали интереса историков. Русская историография уделяла мало внимания общественному сознанию средневековой Руси, отдавая предпочтение исследованию политических явлений.

Первые работы, посвященные состоянию русской общественно-политической мысли и косвенным образом затрагивающие теорию «Москва — третий Рим», написаны в конце XIX в. Немногие историки, мимоходом затрагивавшие проблему «третьего Рима», усматривали в ней преимущественно религиозно-духовное содержание (М. А. Дьяконов[3], Н. Ф. Каптерев[4], М. В. Довнар-Запольский[5]), отведя ей лишь одну сферу применения — культурную. Они полагали, что данная идея накладывала отпечаток на жизненные устои общества, мировоззрение современников, нравственные ориентиры, не претендовала на роль официальной политической программы.

В отечественной историографии генезиса и последующей судьбы теории «Москва — третий Рим», незаслуженно выпавшей из поля зрения ученых, оставалась позиция И. А. Кириллова[6].

Цель нашего исследования — проанализировать суждения И. А. Кириллова о роли теории «Москва — третий Рим» в общественно-политической практике московского самодержавия XV–XVI вв. Мы стремились очертить круг памятников, в которых, по мнению исследователя, отразилась теория «Москва — третий Рим»; выяснить, как исследователь определял характер и место идеи в общественно-политической мысли русского средневековья.

В 1914 г. И. А. Кирилловым была издана книга «Третий Рим», имеющая существенное значение для определения места теории «Москва — третий Рим» в сочинениях русских книжников XV–XVI вв.

С точки зрения ученого, Московское государство, хотя и вело вполне самостоятельную политику, оставалось все же подверженным церковному воздействию, которое вносило «ноту православия в видение власти». Любое христианское государство придерживалось ряда обязательных положений. Так, власть всегда является богоустановленной и требует необходимого к себе уважения. Умозаключение о том, что царь является блюстителем правоверия, наиболее близко примыкает к идее «Москва — третий Рим», — писал И. А. Кириллов[7]. После Флорентийской унии место политического главы православного мира стало вакантным. Вслед за византийским императором будущий хранитель православия должен был обладать рядом преимуществ перед остальными претендентами: являться ревнителем православной веры, играть заметную политическую роль на международной арене. С этого времени начали говорить о русском, не греческом благочестии. Первой формой перенесения на Москву значения Византии, что подготовило почву для окончательной формулировки теории «Москва — третий Рим», и стало, как полагает автор, предисловие Зосимы к новой пасхалии.

Исследователь акцентирует внимание на том, что наименование Москвы «третьим Римом» выработалось не сразу. Столица поначалу представлялась в качестве «второго Константина-града», который находился вблизи прежнего, однако не заменял его. Должно было пройти достаточно времени, чтобы сравнение Москвы с Константинополем стало для русских привычным, «достаточно примелькалось в умах тогдашних людей»[8]. В ту пору митрополит Зосима сравнил Ивана III с византийским императором, а Москву — с Царьградом. Однако основывать исключительное право русских на особое значение в православном мире на греческом источнике было крайне нежелательно, поскольку авторитет греков существенно пошатнулся. Поэтому возникла легенда, согласно которой московские государи по своему происхождению стали обладателями «третьего Рима».

Отражение данной формулы автор видит в «Повести о белом клобуке», посланиях Спиридона-Саввы, родословиях русских князей, Степенной книге, «Сказаниях о князьях владимирских», «Сказании о Вавилонском царстве».

В последних из этих произведений уже прослеживается историческая параллель Византия — Вавилон посредством наследования царских регалий от вавилонского царя Навуходоносора. И. А. Кириллов предпочитает греческую версию происхождения «Сказания», идеи которого нашли применение у югославянских

(болгарских) народов и стали известны в России. «Трудно допустить, чтобы на Руси была собственная, домашнего происхождения какая-либо легенда или сказание, на почве которой развилась бы идея Москвы — Третьего Рима», — полагал исследователь[9].

Особое внимание И. А. Кириллов уделил суждениям Филофея, сочинения которого можно рассматривать только как результат собственных умозаключений, а не внешних воздействий, — считает ученый. Автор пишет о Филофее с пафосным воодушевлением: «Есть исторические лица, творческий талант которых, впитав в себя достояние предков и углубившись в переживаемый момент, распускается дивным, ослепительно-ярким цветком…»; «именем подобных лиц называют эпохи, направления; таковым лицом в развитии идей богоизбранности русского народа и является инок Филофей. Из Хронографа, привезенного в 1511 г. «с Москвы» одним из образованнейших людей своего времени — дьяком Михаилом Григорьевичем Мунехиным, Филофеем была заимствована лишь форма, в которую он «и влил те идеи, которые носились в то время на Руси»[10]. И. А. Кириллов также не исключает возможности знакомства Филофея с переводами памятников болгаро-славянской письменности, например «Откровением» Мефодия Патарского, Житием св. Андрея Юродивого, толкованием на апокалипсис св. Ипполита и Андрея Кесарийского.

Теория Филофея, по мысли И. А. Кириллова, полностью соответствовала настроениям книжников XVI в., точно воспроизводила дух столетия, определяла тонкую связь этой идеи с природой русской души. Неудивительно, что вскоре религиозная по происхождению теория «третьего Рима» сумела не просто органично, без лишних потрясений занять место официальной идеи, но и стать политической концепцией власти, закрепленной государственными актами. При этом автор настаивает, что теория «Москва — третий Рим» целиком находится в области внешней политики. Вопрос о том, насколько данная идея отвечала старинным удельным традициям, соответствовала укладу русских обычаев, требует специального исследования, — считает он.

И. А. Кириллов пишет о доктрине «Москва — третий Рим» как о «философско-политической» концепции, поясняя суть руководящих мыслей Филофея. Идея провиденциализма, опираясь на которую, псковский монах собственно и обосновывает свою теорию, перерастает у него в «теократическую систему управления земными царствами». Политический же смысл теории заложен в идее богоизбранного царства и его народа, хранителя христианской религии. Вместе с тем не стоит противопоставлять национальный и религиозный пути, которыми русские восприняли теорию,— думал И. А. Кириллов. Рассуждения подобного плана будут ошибочными, поскольку человеку XVI в. было весьма несвойственно разделять церковные и внецерковные элементы идеи, они воспринимались современниками целиком, иногда даже слишком буквально. Например, божественное руководство в русском мировоззрении воспринималось как одно из конкретных дел.

В историографии до недавнего времени незаслуженно были оставлены без должного внимания суждения исследователя о теории «Москва — третий Рим», и лишь Н. В. Синицына вскользь обратилась к высказываниям И. А. Кириллова о данной концепции. Признав справедливость мнения историка о литературном ма-

стерстве Филофея, Н. В. Синицына все же не согласна с отождествлением теории «третьего Рима» и идеи русского мессианизма[11]. Можно отметить, что оценки исследователей расходятся и по ряду других вопросов — характеру идеи (И. А. Кириллов подчеркивает ее политико-религиозную окраску, тогда как Н. В. Синицына находит ее исключительно религиозной), внезапности (Н. В. Синицына) и продолжительности (И. А. Кириллов) создания концепции, источникам, в которых она нашла отражение.

Представляется вполне обоснованным заключение И. А. Кириллова о том, что теория «Москва — третий Рим» включает в себя и идею перенесения на Москву роли мессианского царства, и идею русского царя с перенесением на него роли Византии. Так, указание на то, что в России очутилась царская регалия — шапка Мономаха — справедливо признается И. А. Кирилловым одной из составляющих теории «Москва — третий Рим».

Сама же идея «третьего Рима» (возникшая, по мнению автора, только после падения Константинополя, в конце XV — начале XVI в.) носит характер заимствованной, принесенной извне, поскольку памятники русской литературы этого периода испытывали серьезное византийское влияние. Тем не менее старцу Филофею принадлежит самостоятельная окончательная формулировка теории. На этой стадии развития концепции автор и останавливается.

И. А. Кириллов же, а вслед за ним В. Е. Вальденберг[12], Н. С. Чаев[13], О. В. Трахтенберг[14], В. С. Покровский[15] причисляли идею «Москва — третий Рим» (окрашенную, правда, в религиозные тона) к разряду государственно значимых, призванных отстаивать особое место России на международной арене. Понимая взаимосвязь и взаимозависимость религиозной и государственной сфер общества XV–XVII вв., эти ученые справедливо полагали, что мистическая идея об исключительной миссии Москвы после утверждения патриаршего престола плавно «перетекла» в политическую плоскость.

Впрочем, эти исследователи рассуждали о влиянии данной идеи на формирование мировоззрения русского народа без упоминания произведений, в которых отразилась соответствующая формула, обходя вопросы об ее источниках, причинах возникновения, периодах бытования.

Таким образом, И. А. Кириллов одним из первых попытался очертить круг памятников, отразивших доктрину «третьего Рима», выяснить этапы ее формирования, истоки и характер построения Филофея. Исследователь предвосхитил выводы историков середины — второй половины XX в. об ограниченном — политическом или церковном — восприятии идеи «Москва — третий Рим». Исключительно в тесном переплетении и взаимодействии культурных традиций могла существовать политико-религиозная идеология Московского государства, сориентированная на решение внешних задач государства, — справедливо заключал исследователь.

Примечания

[1] См.: *Тихонюк И. А.* «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. М., 1986. С. 45.

[2] *Гольдберг А. Л.* К предыстории идеи «Москва — третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 111–116; *Он же.* Идея «Москва — Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // Тр. Отд. древнерус. лит. (далее — ТОДРЛ). Л., 1983. Т. 37. С. 139–149; *Он же.* Историко-политические идеи русской книжности XV — XVI веков // История СССР. 1975. № 4. С. 67–77; *Он же.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 204–216; *Он же.* Три «послания Филофея»: (Опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 68–97.

[3] *Дьяконов М.* Власть московских государей: Очерк теории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 68–69.

[4] *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 17, 26, 349, 425.

[5] *Довнар-Запольский М. В.* Московские гуманисты и обскуранты XVI века // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909. Т. 2. Вып. 2. С. 22–24.

[6] Кириллов Иван Акимович (1888–1974) — историк старообрядчества, публицист, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой Московского инженерно-экономического института. Заслуженный деятель науки РСФСР. Книга «Третий Рим» осталась его единственной крупной историко-публицистической работой. См.: *Кириллов И. А.* Третий Рим // Три Рима / Сост. Н. Н. Лисовой, Т. А. Соколова. М., 2001. С. 456.

[7] Там же. С. 378–379.

[8] Там же. С. 365.

[9] Там же. С. 368.

[10] Там же. С. 371.

[11] См.: *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 34.

[12] См.: *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 326.

[13] См.: *Чаев Н. С.* «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века // Ист. зап. М., 1945. Т. 17. С. 3–24.

[14] См.: *Трахтенберг О. В.* Общественно-политическая мысль в России в XV–XVII веках // Из истории русской философии. М., 1949. С. 77–80.

[15] См.: *Покровский В. С.* История русской политической мысли: Конспект лекций. М., 1951. Вып. 1. С. 53, 57.